

DOI: 10.31857/S013038640017191-8

© 2021 г. А.Ю. Ватлин, П.Ю. Князев

ЗАКОНЧИЛСЯ ЛИ XX ВЕК? КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017

Князев Павел Юрьевич — младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: pawelknyazev95@mail.ru

Researcher ID: AAX-2788-2021

A.Yu. Vatlin, P.Yu. Knyazev

IS THE TWENTIETH CENTURY OVER? A ROUND TABLE AT THE HISTORICAL FACULTY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY

Alexander Vatlin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017

Pavel Knyazev, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: pawelknyazev95@mail.ru

Researcher ID: AAX-2788-2021

28 апреля 2021 г. кафедра новой и новейшей истории истфака МГУ провела круглый стол «Долгий XX век? Рубежи новейшей истории в оценках современных исследователей», в центре внимания которого находилась проблема оптимальной периодизации самого «свежего» отрезка всемирной истории, совмещающая в себе научную обоснованность и методическую оправданность.

Эпоха новейшей истории незаметно перевалила через столетний юбилей, в то время как границы ее первого периода практически не вызывают сомнений (от завершения Первой до завершения Второй мировой войны), вопрос о внутренних рубежах послевоенного периода, длительность которого с каждым годом увеличивается и к настоящему времени достигла уже трех четвертей века, приобретает все большую остроту и актуальность. Причины этого очевидны — чем ближе к нам прошлое, тем незаметнее для нас его ход. «Короткий двадцатый век» (1914–1991 гг., выделенный известным британским историком Э. Хобсбаумом) завершился без «крайностей», позволивших бы подвести под ним окончательную черту.

Лишенный внутренних рубежей, послевоенный период всеобщей истории «растягивается» в реальном времени, но в то же время «сжимается» в пространстве семестра, который отведен на его изучение. Это обстоятельство определило две ключевые задачи круглого стола — с одной стороны, его участники стремились порассуждать о периодизации новейшего времени вообще, с другой — задумались над прагматическим аспектом, над встраиванием данного непростого периода в канву университетского преподавания.

Первое заседание круглого стола было посвящено современным подходам выделения внутренних рубежей всемирной истории новейшего времени. В приветственном слове и.о. декана истфака МГУ академик Российской академии образования, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов отметил важность разработки новых критериев периодизации как для научного поиска, так и для учебного процесса в высшей школе.

В докладе руководителя Центра новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН д.и.н., проф. В.С. Мирзеханова были затронуты проблемы построения «моделей времени»

новой и новейшей истории, раскрыто влияние современной методологии на ее периодизацию, показано, как сформировался подход к изучению глобальной истории. Докладчик подчеркнул значение обоснованного историками периода «долгого» XIX столетия, за которым последовала формация «короткого XX века». Между этими «конструктами», не соответствующими календарным столетиям, имеется в большей степени преемственность, чем разрыв. История двух прошедших веков — это история утверждения капиталистических отношений и стандартов классического модерна, тема которого сплавляет их в единое целое. Именно в «долгом XIX столетии» на смену статической модели раннего Нового времени приходит динамическая модель, основанная на идее прогресса. И именно эту парадигму продолжил XX в., возведя ее в абсолют.

В ходе второго заседания круглого стола сотрудники кафедры представили доклады, посвященные критериям периодизации новейшей истории в историографии и практике преподавания. К.и.н., доц. Р.А. Сетов рассказал, с какими сложностями связана попытка разделить новейшую историю по рубежу 1990-х годов в силу особенностей ее преподавания студентам бакалавриата. Время еще не «сжалось» настолько, чтобы можно было легко уложить период 1918–1991 гг. в один семестр, поэтому требуется учитывать актуальные возможности высшей школы и способность к восприятию материала самими учащимися. Альтернативной границей, завершающей послевоенный период новейшей истории, может стать начало — середина 1970-х годов.

Именно тогда экономика западных стран переживала структурный кризис, и именно тогда была предложена неоллиберальная альтернатива кейнсианской модели. В то же время технологические прорывы, изменения в сфере международной безопасности (политика «разрядки», окончание Вьетнамской войны, «новая восточная политика» ФРГ и другие) ознаменовали переход к качественно новому периоду, который начинается с 1980-х годов. Ключевыми критериями, если говорить о преподавании курса по истории стран Европы и Америки, должны быть избраны такие факторы, как внутреннее положение ведущих стран региона, а также состояние системы международных отношений.

К.и.н., доц. Н.Н. Наумова рассмотрела периодизацию новейшей истории с точки зрения интеграционных процессов. Примечательно, в современной европейской историографии имеет место исторический «инжиниринг»: нередко историки пытаются вывести традиционные, национальные исторические нарративы за скобки, отдавая предпочтение, с одной стороны, общеевропейскому, с другой — региональ-

ному уровню истории. На этом фоне кажется вполне предсказуемым преувеличение роли европейской интеграции, однако ее события занимают в трудах современных историков довольно скромное место.

Данное обстоятельство связано с тем, что история сегодня воспринимается и пишется как глобальная, и в рамках тренда *global history* исследователи стремятся дистанцироваться от европоцентризма. Тем не менее интеграционные процессы являются полноценным маркером новой эпохи и в рамках глобального подхода, так как в XX в. они развиваются не только в Европе, но и по всему миру. Здесь очевидным рубежом является конец 1980-х — начало 1990-х годов: именно тогда идет становление не только структур ЕС (Маастрихтский договор 1992 г.), но и НАФТА (с 1992 г.), АТЭС (с 1989 г.), в 1991 г. образуется СНГ, государства которого стали участниками нового интеграционного объединения — ЕАЭС.

К.и.н., доц. В.Н. Истратов отметил особую роль международных процессов при выборе периодизации истории и поделился своим видением завершающего этапа холодной войны, выступив в защиту концепции «короткого XX в.». По его мнению, в период между 1918 и 1989 гг. существовала реальная альтернатива западному капитализму в лице советского проекта. Современный социалистический Китай, пошедший по пути развития рыночной экономики, такого рода альтернативы уже не предлагает. Именно 1918, а не 1917 г. выступает здесь рубежом, так как в этом году потерпела неудачу революция в Германии и стало очевидно, что «мировая пролетарская революция» как одномоментное событие является утопией. В то же время откат революционной войны в странах Запада не смог помешать построению социализма в России. 1989, а не 1991 г. в качестве конечной точки был выделен докладчиком потому, что «бархатные революции» в странах Восточной Европы на тот момент уже отметили сильную эрозию социалистической системы. Крах советской альтернативы стал очевиден, а встреча Дж. Буша-старшего и М.С. Горбачева на Мальте ознаменовала окончание идеологического противостояния двух мировых систем.

В ходе третьего заседания круглого стола докладчиками были рассмотрены современные подходы к периодизации новейшей истории в национальных историографических традициях. Д.и.н., проф. А.Ю. Ватлин и к.и.н., доц. Е.А. Суслопарова обратили внимание на ключевые подходы к периодизации новейшей истории в западноевропейской историографии — германской и британской. В современной исторической науке ФРГ логика германской истории начиная с XIX в. выглядит как череда попыток прогрессивной части политической элиты страны

достучаться до своих западных единомышленников, интегрировать Германию в политический дискурс Запада. Здесь ключевыми событиями выступают 1848 г., образование социал-демократии, революция 1918 г. и основание Веймарской республики. По мнению большинства историков, опыт Третьего рейха показал бесперспективность «зондергегеов» в их любом выражении. И если Западная Германия добралась до цели, будучи объектом «перевоспитания» со стороны западных союзников уже в первые послевоенные годы, то Восточная лишь 40 лет спустя после образования двух германских государств воспользовалась «окном возможностей», которое открыла перестройка в СССР.

Если на континенте годы после окончания Первой мировой войны были тождественны революционному подъему, то для британских историков 1918–1922 гг. внутри страны — это плавный переход от войны к миру, масштабная и удавшаяся реконверсия. Другими важными рубежами английского взгляда на новейшую историю являются кризис 1929 г. и окончание Второй мировой войны. Говоря о послевоенной истории, исследовательница отметила, что время до конца 1970-х годов считается периодом консенсусной модели развития, когда кабинеты консерваторов и лейбористов не шли на радикальный слом сформировавшейся в первые послевоенные годы экономической и социальной политики. Однако во второй половине 1970-х начался процесс эрозии данного консенсуса, поддержание которого решительно отвергла М. Тэтчер. Важными вехами в истории страны после ухода «железной леди» (1990 г.) стали приход к власти новых лейбористов Э. Блэра в конце 1990-х годов, а также 2010 г., после которого страна столкнулась не только с последствиями финансового кризиса, но и с проблемой «брексита».

К.и.н. А.А. Вершинин рассмотрел периодизацию новейшей истории Советского Союза, уделив особое внимание влиянию «больших» теорий (например, теории модернизации) на выделение хронологических периодов в историографии. Докладчик сравнил критерии периодизации отечественной истории в советской историографии (где за основу брались история ВКП(б) и КПСС или же процесс «продвижения к социализму», в результате чего данные подходы ограничивались рамками официальной идеологии) и концепции западных историков, где часто историю делили по личностям руководителей (персоналистский подход) или же исходили из этапов развития «тоталитаризма».

Позднее были предложены новые объяснительные модели, среди которых докладчиком особо отмечен подход, основанный на теории модернизации (ныне его активно применяет американский историк

С. Коткин). Его сторонники выделяют следующие этапы советской модернизации: большевистский (конец 1910 — 1920-е годы), переходный (1930-е годы) и собственно советский. Однако у данного подхода есть противники (их можно назвать «неотрадиционалистами»), к примеру Ш. Фишпартик. Историки данного направления не видят в советском проекте «модерного» начала, делая акцент на «чрезвычайных обстоятельствах, в которых жили обычные люди», и вписывая советский период в многовековую линию российской истории.

Внешнеполитическая доминанта периодизации новейшего времени была представлена в докладе Д.В. Родина. Современные отечественные исследователи продолжают вести острые дискуссии о границах холодной войны и их содержательном обосновании. Ее начало зависит от того, с чем мы ассоциируем данный процесс, — если это биполярное состояние системы международных отношений, то ее рамки очевидны: 1945–1991 гг., но если мы видим в ней процесс противостояния СССР и США — то они будут сдвигаться к 1947 г., в то время как окончание — к концу 1980-х. Докладчик выделил основные методологические подходы — персоналистский (В.М. Зубок, К.В. Плешаков), сторонники которого выделяют этапы противостояния по личностям руководителей сверхдержав, и системный (А.И. Уткин), где приоритет отдается внутренней динамике биполярной системы международных отношений.

Участники круглого стола были едины в том, что ситуация с внутренним водоразделом в понимании и преподавании новейшей истории требует перемен. Оптимальным было названо трехчастное деление периода, предлагалось, наряду с очевидным рубежом 1945 г., выделить послевоенный период, заканчивающийся либо в середине 1970-х годов (переход к информационному обществу, разрядке международных отношений, начало стагнации и кризиса «реального социализма»), либо рубеж 1980–1990-х годов (завершение холодной войны, новый этап в развитии интеграционных процессов, начало китайского «экономического чуда»).

Подвижность границы между «новейшей» и «современной» историей подчеркнули все участники круглого стола — последняя завязана на личный опыт ныне живущих и является «горячей историей», еще не получившей вполне определенных контуров. В соответствии с периодичностью смены поколений (около 30 лет) эта граница будет сдвигаться в направлении современности, причем не постепенно и календарно, а в зависимости от глобальных вызовов, с которыми придется иметь дело будущим поколениям. На сегодняшний день такой границей все еще остается рубеж 1980–1990-х годов, хотя ставился

вопрос, не следует ли признать рубежом современности террористический вызов 11 сентября 2001 г. и другие события уже нового XXI столетия.

За общим признанием оптимальности деления истории с 1918 г. на три периода последовала дискуссия, каким образом оно может быть интегрировано в процесс преподавания. Пессимисты считают, что шансов на радикальную перестройку учебных программ нет, следовательно, нужно явочным порядком доводить первый семестр не до 1945 г., а как минимум до начала 1960-х годов (последствия Римского договора 1957 г., «Год Африки», выход человека в космос). Большинство участников дискуссии все же высказалось за сохранение 1945 г. в качестве рубежной даты первого периода новейшей истории. Оптимисты предлагают использовать максимум отведенной университетам свободы и отвести на преподавание новейшей и современной истории (их терминологическое разделение является явным нон-сенсом, но альтернативных формулировок предложено не было) три семестра, как это происходит с отечественной историей.

Кроме вопроса о новом делении новейшей истории, который вызвал наибольший интерес, обсуждались проблемы «модерности», объединяющей XIX и XX вв. Динамизм и чувство прогресса, характерные для понимания современности в эти столетия, ныне уступают место осторожности и жажде стабильности, которые опираются на понимание хрупкости существующего мира. Вопрос о парадигмах, определяющих те или иные «длинные волны» истории, на сегодняшний день следует считать все еще открытым. В этой связи представляется важным понятие «третьей современности», которая пока еще не приобрела законченных очертаний.

Ясно только то, что век Европы закончился. Но это не означает, что закономерности ее развития не могут быть экстраполированы на иные регионы. В ходе заключительной дискуссии ее участниками

высказывалась точка зрения, что рано еще списывать со счетов формационный подход, считать историю индустриального капитализма законченной к концу XX в. Уделяя большее внимание месту европейской цивилизации в современном мире, мы не должны возвращаться к неконструктивной «философии превосходства». И наконец, следует обдумать вопрос о поливариантности периодизаций, прежде всего — можно ли двигаться от национально-политических критериев к культурно-социологическим, что неизбежно уведет нас в сторону от жестких дат типа начала Российской революции или завершения Второй мировой войны.

На вопрос, закончился ли уже XX в., большинство участников ответило утвердительно, признав датой начала новой эпохи рубеж 1980–1990-х годов. Хотя капитализм не был заменен какой-то новой формацией, к началу 1990-х завершилось идеологическое противостояние между Западом и СССР, хотя международно-политическое противостояние сохранилось. Л.С. Белоусов отметил, что процессы, проявившиеся с рубежа 1990-х годов и продолжающиеся по сей день, еще требуют хронологической фиксации и выявления специфических черт и процессов новой эпохи.

«Полезные» исследователям рубежи следует отделять от конкретных задач преподавания, в рамках которых многие участники предложили отнести начало третьего периода новейшей истории к середине 1970-х годов. Однако такой подход должен вызвать, и его убедительное обоснование требует дальнейших дискуссий. Если между историками на исследовательском уровне будет достигнут хотя бы минимальный консенсус, на уровне преподавания станет гораздо легче модернизировать процесс обучения студентов-историков. Очевидно только одно — в силу подвижности новейшего времени, его постоянного «вращения» в современность оставаться на прежних рубежах нам уже нельзя.

DOI: 10.31857/S013038640017192-9

© 2021 г. **М.Ю. Анисимов**

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРУМАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ XV–XX веков»

Анисимов Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: anisimovm@list.ru

ORCID: 0000-0001-6699-611X